

Перевод отрывка

Колесо отцовской мельницы, взревев, снова весело застучало, снег звонко закапал с крыши, а воробьи защибетали и зарезвились. Я сидел на пороге дома, протирал глаза, и мне было так хорошо под теплым солнечным светом! Отец вышел из дома; он уже с рассвета возился на мельнице. На нем был ночной колпак, слегка покосившийся на его голове; отец подошел ко мне и сказал: «Ты бездельник! Снова, растянувшись, нежишься на солнце и просиживаешь штаны, перекладывая всю работу на меня; я не могу кормить тебя до старости. Весна не за горами – выйди сам хоть раз на свет и раздобудь себе хлеба».

– Ну, – возразил я, – пусть я шалопай, что же, пойду хоть попытаю счастья на белом свете.

Но на самом деле услышать подобное мне было весьма приятно, потому что незадолго до этого я и сам подумывал отправиться в путешествие. Овсянка, которая всю осень и зиму так печально пела под нашим окном: «Крестьянин, возьми меня, крестьянин возьми меня», теперь в прекрасное весеннее время задорно и весело зачирикала на дереве: «Крестьянин, не унывай!». Итак, я вошел в дом и снял со стены свою скрипку, на которой так славно играл; отец дал мне еще немного денег в дорогу, и так я побрел по нашей большой деревне. И не без тайной радости смотрел я на то, как все мои знакомые и приятели, справа и слева от меня принимались за работу также, как и вчера, и позавчера, и каждый божий день: они рыли и пахали в то время, как я шел болтаться по свету. Я, полный гордости и самодовольства, окликал бедняков направо и налево, но никто не обращал на меня внимания. А у меня на душе был сущий праздник. И когда я, наконец, вышел в открытое поле, то достал свою любимую скрипку, заиграл на ней и запел, продолжая свой путь вдоль проселочной дороги:

Кому Бог пожелает оказать милость,
Того он отправит в дальний путь,
Тому он захочет открыть свои чудеса
Среди скал, в лесу, в ручье и в поле.

Лентяи, отлеживающиеся дома,
Не наслаются утренней зарей,
Им знакомы лишь хлопоты,
Заботы, бремя, нужда да хлеб.

Ручьи, струящиеся с гор,
Жаворонки, высоко вьющиеся от удовольствия;
Разве не должен я спеть вместе с ними,
Когда радостью наполняется моя грудь?

Я просто полагаюсь на возлюбленного Бога,
Который бережет жаворонков, ручьи, леса и поля,
И землю, и небо,
И меня он тоже сбережет!

Тут я обернулся и увидел, что позади меня едет изысканная карета, которая, по-видимому, все это время медленно ехала за мной, чего я не смог заметить, ведь сердце

мое было переполнено прекрасным звучанием песни. Две знатные дамы высунули головы из кареты и стали ко мне прислушиваться. Одна была намного красивее и моложе второй, но при этом обе понравились мне одинаково. Когда я перестал петь, старшая приказала остановить карету и, прелестно улыбнувшись, сказала мне: «Эй, веселый молодец, какие чудесные песни ты поешь». Я, недолго думая, ответил: «Если бы мне пришлось послужить вашей милости, я мог бы спеть куда красивее». На это она снова спросила меня: «Куда ты держишь путь столь ранним утром?». Тут мне стало стыдно, что я и сам того не знаю, однако я задорно на это ответил: «В В.», тогда дамы заговорили друг с другом на иностранном языке, которого я не понимал. Младшая несколько раз покачала головой, а старшая все смеялась и, наконец, подозвала меня: «Запрыгивай сзади, мы тоже едем в В.». Кто мог бы быть счастливее меня? Я сделал реверанс и одним махом вскочил сзади на карету, кучер щелкнул бичем, и мы полетели дальше по залитой солнцем дороге так скоро, что ветер засвистел у меня в ушах.

За мной убегали деревни, сады, церкви, передо мной возникали новые села, замки и горы; подо мной пестрой лентой пролетали пашни, рощи и луга, надо мной мелькали жаворонки, вьющиеся в чистом голубом небе – мне было неловко громко закричать, но внутри меня поднималось ликование, и мне так хотелось подпрыгнуть и потанцевать на запятках, что, сделав это, я выронил бы свою скрипку, которую держал под мышкой. Но солнце поднималось все выше и выше, и на горизонте показались тяжелые белые полуденные облака, и в воздухе, и на далеких просторах все стихло, опустело; становилось знойнее над тихо колышущимися нивами. Только сейчас я вспомнил свою деревню, моего отца, нашу мельницу и тенистый пруд, рядом с которым было таинственно и прохладно. Но теперь все это было позади меня и так далеко. И мне стало очень приятно на душе, словно я должен был вот-вот возвратиться домой. Я убрал свою скрипку за пазуху, уселся как следует на запятки и, предавшись раздумьям, заснул.